

6. Личность преступника. М., «Юрид. лит.», 1975. 270 с.
7. Небылицы В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., «Наука», 1976. 336 с.
8. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. 248 с.
9. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961. 286 с.
10. Титаренко П. И. Структура нравственного сознания (опыт этико-философского исследования). М., «Мысль», 1974. 278 с.
11. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Изд-во Томского ун-та, 1973. 152 с.
12. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). М., «Юрид. лит.», 1971. 248 с.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопрос о законности и обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности является основным не только в теории советского уголовного процесса, но и в практической деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Его значение обуславливается тем, что акт привлечения к уголовной ответственности является одним из способов реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Необходимо, однако, заметить, что до настоящего времени в теории нет единого мнения по вопросу о моменте привлечения лица к уголовной ответственности, этапах ее возникновения и реализации.

По мнению Н. С. Лейкиной, уголовная ответственность «возникает в момент совершения преступления и оканчивается с отбытием наказания и погашением судимости или когда лицо освобождается от нее на основании ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР» [3, с. 31]. Анализ этой позиции автора приводит к выводу о ее противоречивости. В такой постановке вопроса остается непонятным, почему он связывает момент возникновения уголовной ответственности с предъявлением обвинения конкретному лицу. По мнению Н. С. Лейкиной, «привлечение к уголовной ответственности — это первоначальный этап реализации уголовной ответственности. Он оформляется процессуальным актом предъявления обвинения» [3, с. 32]. Автор полагает далее, что «сущность первой стадии состоит в признании следственными органами лица ответственным за совершение определенного преступления, в качестве обвиняемого по определенной статье Особенной части Уголовного кодекса» [3, с. 32]. При таком подходе к определению исходных и конечных границ уголовной ответственности период с момента совершения

преступления до предъявления обвинения выпадает из общих границ уголовной ответственности преступника. Он не относится к предшествующей стадии и не выделяется автором в самостоятельную стадию уголовной ответственности.

Мы полагаем, что в момент совершения преступления возникает не уголовная ответственность в целом, а лишь такой ее элемент, как обязанность лица, совершившего преступление, понести уголовную ответственность перед советским государством. Смешивать эти два обстоятельства недопустимо, поскольку каждое из них порождает специфические правовые последствия. Если совершение преступления является юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые отношения между государством и преступником, а вместе с этим и обязанность последнего понести уголовную ответственность перед государством, то сама уголовная ответственность наступает в результате производства по делу в отношении конкретного лица. При этом следует особо подчеркнуть, что привлечение лица к уголовной ответственности действующее законодательство связывает с вынесением ряда процессуальных актов следователем или лицом, производящим дознание, и прокурором. Первым таким актом, индивидуализирующим лицо, виновное в совершении преступления, является постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Но достаточно ли одного этого акта для привлечения лица к уголовной ответственности?

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь с учетом анализа структуры обвинительной деятельности, осуществляемой в уголовном процессе.

Л. М. Карнеева считает, что привлечение к уголовной ответственности представляет собой «единовременный процессуальный акт» [2, с. 16] и отождествляет его с привлечением лица в качестве обвиняемого.

Большинство ученых также полагает, что привлечение в качестве обвиняемого и является актом привлечения лица к уголовной ответственности [см.: 1, с. 9, 17; 3, с. 7—41].

Как видно, правильное решение обсуждаемой проблемы зависит от того, какие ответы будут получены на вопросы о том, являются ли тождественными такие процессуальные институты, как привлечение в качестве обвиняемого и привлечение лица к уголовной ответственности.

Согласно утверждений Н. А. Стручкова «уголовная ответственность наступает уже в процессе производства дознания или предварительного следствия». При этом, уточняя момент ее возникновения, автор указывает, что «предъявление обвинения и есть привлечение к уголовной ответственности» [5, с. 8]. Между тем привлечение к уголовной ответственности не может быть сведено к предъявлению обвинения, так как в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством оно включает в себя и вынесение постановления о привле-

чении лица в качестве обвиняемого, и предъявление этого постановления обвиняемому, и его допрос (ст. 131, 140, 143 УПК УССР; ст. 143, 148, 150 УПК РСФСР). Кроме того, укажем, что сюда включается и деятельность прокурора — субъекта государственного обвинения по утверждению обвинительного заключения и возбуждению государственного обвинения.¹

При этом следует иметь в виду, что предъявление обвинения не ставит лицо в какое-либо процессуальное положение. Оно имеет своей целью довести до сведения обвиняемого сам факт привлечения его в качестве обвиняемого, сообщить ему содержание обвинения и, наконец, выяснить его отношение к тому, что он совершил. Только акт привлечения в качестве обвиняемого ставит конкретное лицо в положение обвиняемого, в связи с чем к последнему могут применяться различные меры процессуального принуждения. Именно поэтому только с предъявлением обвинения нельзя связывать момент привлечения лица к уголовной ответственности.

Нельзя согласиться с мнением Н. А. Стручкова и о том, что «все последующее производство по делу — дознание, предварительное следствие, производство в суде, наказание лица, совершившего преступление (назначение наказания), — есть не что иное, как уголовная ответственность» [5, с. 8]. Если придерживаться подобной точки зрения, то оказывается, что сам факт производства по делу, осуществлявшегося в отношении конкретного лица, уже дает основание считать, что такое лицо понесло уголовную ответственность, при этом не имеет правового значения то обстоятельство, что уголовное дело в отношении обвиняемого прекращено по реабилитирующим его основаниям. Но такие выводы находятся в явном противоречии как с практикой, так и с теорией уголовного процесса, поскольку в реальной действительности в нашей стране ни одно лицо, не виновное в совершении преступления, не несет уголовную ответственность. Нелогичность такой позиции очевидна еще и потому, что «уголовная ответственность, — как это считает сам автор, — включает в себя и наказание виновного в совершении преступления лица» [5, с. 8]. Но является ли само по себе производство по делу какой-либо

¹ На практике и в уголовно-процессуальной литературе широко используется понятие «субъект обвинения», но не применяется оппозиционно-соотносительное ему понятие «объект обвинения». Поскольку реализация тезиса обвинения возможна лишь в структуре субъектно-объектных отношений, то очевидна невозможность существования в реальном процессе субъекта обвинения без объекта обвинения и объекта обвинения без субъекта обвинения. Следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем его соотносительность с другим. При этом используемое в настоящее время понятие «обвиняемый» не может заменить понятие «объект обвинения», ибо первое обозначает сущее, то, что наступило в результате обвинительной деятельности, а второе — должное, т. е. указывает на то, каким требованиям должно отвечать и какими при этом признаками должно обладать конкретное физическое лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние, наличие которых делает возможным осуществление против него обвинительной деятельности.

мерой наказания, предусмотренной уголовным кодексом? Конечно же нет. И по одному этому основанию следует признать недопустимым отождествлять производство по делу с таким институтом как уголовная ответственность лица.

При решении вопроса о времени привлечения к уголовной ответственности нельзя игнорировать факт привлечения лица в качестве обвиняемого, недопустимо отождествлять эти взаимосвязанные и в то же время относительно самостоятельные институты, рассматривая привлечение к уголовной ответственности в виде одноактного действия.

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь в том случае, если при его решении учитывается общая структура обвинительной деятельности, т. е. с учетом ее осуществления не только следователем, но и прокурором.

По закону уголовную ответственность несет лицо, виновное в совершении преступления. Как отмечалось, впервые оно индивидуализируется следователем в момент привлечения в качестве обвиняемого. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности связано с привлечением лица в качестве обвиняемого, но все же не сводится к нему. Почему же нельзя допускать такого отождествления? Все дело заключается в том, что в момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого виновность лица в совершении преступления еще не полностью доказана. Как свидетельствует практика, в процессе последующего производства по делу обвинение может отпасть и лицо в таких случаях признается невиновным. Как же можно привлекать к уголовной ответственности, когда еще не полностью доказано, что именно это лицо совершило инкриминируемое ему преступление. И как можно при условии неполной доказанности виновности лица считать, что уже в стадии предварительного расследования оно несет уголовную ответственность. Изложенное делает очевидной неосновательность отождествления решения следователя о привлечении в качестве обвиняемого с актом привлечения лица к уголовной ответственности. Если бы все обстояло так, как это утверждают авторы рассмотренных точек зрения, то после привлечения лица в качестве обвиняемого не нужно было бы продолжать процесс доказывания, а следовало бы предъявить соответствующим лицам материалы дела для ознакомления, а затем передать дело прокурору для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения, возбуждении государственного обвинения и направления его в суд для предания обвиняемого суду.¹

¹ Государственное обвинение представляет собой самостоятельный вид публичного обвинения, возникновение которого предполагает принятие прокурором специального решения о его возбуждении при наличии необходимого повода и достаточного основания. Момент возбуждения государственного обвинения совпадает по времени с моментом утверждения обвинительного заключения. В этой связи процесс, осуществляемый прокурором после предварительного расследования, но до предания обвиняемого суду мы именуем стадией возбуждения государственного обвинения [7, с. 112—122].

Но структура уголовного процесса предусматривает другой порядок осуществления деятельности следователя после привлечения лица в качестве обвиняемого. Она отражает незавершенность познавательной деятельности следователя, объективную необходимость продолжения процесса доказывания с целью достоверного установления виновности обвиняемого¹.

Практика показывает, что с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до составления обвинительного заключения проходит довольно большой период напряженной работы следователя. Когда же следователь на основании совокупности имеющихся доказательств сформировал убеждение о виновности данного лица в совершении инкриминированного ему преступления, он принимает решение об окончании предварительного следствия и предъявлении всем заинтересованным лицам материалов для ознакомления (ст. 217, 218 УПК УССР).

Лишь после выполнения всех необходимых действий, связанных с окончанием производства по делу, следователь переходит к составлению обвинительного заключения. Этот заключительный акт предварительного расследования находится в определенном соотношении с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого. На это обстоятельство уже обращалось внимание в нашей литературе (см.: 6). Здесь можно выделить различные аспекты соотношения названных актов. В плане этой статьи мы хотим обратить внимание на один из возможных аспектов и тем самым подчеркнуть не только общее, но и то, что отличает информационные и психологические основания решений следователя, находящих свое отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

В основе каждого из названных актов лежит убеждение следователя о виновности конкретного лица. Это то, что является общим с точки зрения психологической характеристики, сформулированного следователем обвинения. Но в этом плане имеются и определенные различия. Они касаются полноты, всесторонности внутреннего убеждения, которое лежит в основе каждого из сравниваемых актов. Следовательно, убеждение, лежащее в основе постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, отличается от убеждения следователя, на основании которого он составил обвинительное заключение. В первом случае убеждение следователя лежит в основе исходного акта обвинения, подлежащего в дальнейшем всестороннему и полному доказыванию. Во втором случае речь идет о конечном акте для стадии предварительного расследования. Для следователя убеждение, нашедшее отражение в обвинительном заключении, является окончатель-

¹ Естественно, что в совокупность доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, входят и доказательства, избличающие конкретное лицо в совершении преступления, и на основании которых оно привлечено в качестве обвиняемого.

ным. В его основе лежит весь информационный фонд законченного производством уголовного дела.

Каждый из названных актов порождает различные правовые последствия. Они уже были предметом исследования в советской юридической литературе. Здесь следует указать лишь на то, что убеждение следователя о виновности конкретного лица в совершении преступления, нашедшее свое отражение в обвинительном заключении, является основанием направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и тем самым для возбуждения государственного обвинения.

Обвинение может стать предметом судебного рассмотрения лишь после того, как прокурор примет соответствующее решение по уголовному делу и направит его в суд. Из этого видно, что привлечение виновного к уголовной ответственности связано не только с постановлением следователя о привлечении в качестве обвиняемого, но и с решением прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности не одновременный акт [см.: 2, с. 16], а протяженный, обладающий определенной длительностью процесс, пространственно-временные границы которого охватывают период с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до утверждения обвинительного заключения прокурором, возбуждения им государственного обвинения с последующим направлением уголовного дела в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду. Как видно, привлечение лица к уголовной ответственности осуществляется не только следователем, но и прокурором. Этот аспект проблемы до сих пор не был предметом самостоятельного исследования. Между тем, правильное ее решение зависит от уяснения соотношения обвинительной деятельности следователя и обвинительной деятельности прокурора.

При этом следует исходить из того реально существующего и общепризнанного положения, что функция публичного обвинения является единой, целостной для всего уголовного процесса, хотя и осуществляется различными субъектами. Анализ взаимодействия этих субъектов обвинения заслуживает самостоятельного исследования. Главное, что следует здесь подчеркнуть, — это невозможность осуществления функции обвинения без взаимной (совместной) деятельности следователя и прокурора. Действительно, именно с деятельностью следователя связано возникновение функции обвинения. Затем в связи с завершением производства по делу происходит процесс трансформации следственного обвинения в государственное. Дальнейшая обвинительная деятельность осуществляется прокурором, возбуждающим государственное обвинение при утверждении обвинительного заключения. Как видно из этого, реализация следственного обвинения невозможна без обвинения государственного, а возникновение

последнего невозможно без следственного обвинения. Необходимо также отметить, что следственное и государственное обвинение находятся в отношении дополнительности, представляя собой различные уровни публичного обвинения, осуществляемого в уголовном процессе. Этот факт еще раз подчеркивает то обстоятельство, что, во-первых, в уголовном процессе функция обвинения всегда осуществляется общими усилиями следователя и прокурора. Во-вторых, она осуществляется в определенных пространственно-временных границах, нижним пределом которых следует рассматривать момент привлечения лица в качестве обвиняемого, а верхним — осуществление прокурором обвинительной деятельности в досудебных стадиях процесса. Именно в этих стадиях происходит возникновение, развитие и завершение формирования функции публичного обвинения. На наш взгляд, в качестве такого момента следует рассматривать возбуждение прокурором государственного обвинения против конкретного лица. Именно на данном этапе производства по делу завершается формирование функции государственного обвинения в уголовном процессе. В дальнейшем, с момента перевода прокурором обвинения в суд с ходатайством о принятии его судом к своему разрешению, начинается процесс поддержания государственного обвинения или, иначе говоря, осуществление функции обвинения в судебных стадиях процесса.

Как видно из вышеизложенного, привлечение лица к уголовной ответственности представляет собой сложную по своей структуре уголовно-процессуальную деятельность. Она охватывает две смежные стадии — предварительного расследования и стадию возбуждения государственного обвинения и состоит из следующих структурообразующих элементов: 1) привлечение лица в качестве обвиняемого; 2) предъявление ему обвинения; 3) составление обвинительного заключения и направление его прокурору для утверждения и решения вопроса о возбуждении государственного обвинения; 4) утверждение обвинительного заключения и возбуждение прокурором государственного обвинения против конкретного лица с последующим направлением уголовного дела в суд.

Совершением совокупности указанных действий созданы необходимые и достаточные условия для решения судом вопроса о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности. Поэтому следует согласиться с Л. М. Карнеевой, что «значение привлечения к уголовной ответственности состоит не в признании лица виновным и не в установлении уголовной ответственности, а в создании для этого необходимых условий» [2, с. 1]. Эти замечания справедливы еще и потому, что ни следователь, ни прокурор не признают лицо виновным в совершении преступления в плане тех правовых последствий, которые наступают по решению органа, осуществляющего правосудие.

1. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук, Свердловск, 1973. 47 с.
2. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юрид. лит.», 1971. 136 с.
3. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 128 с.
4. Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 166 с.
5. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права, М., «Юрид. лит.», 1967. 190 с.
6. Постовой Д. А. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1964. 21 с.
7. Зеленецкий В. С. Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе.— «Проблемы правопедения», вып. 33, Киев, «Вища школа», 1976. 132 с.

А. Н. Колесниченко, д-р юрид. наук, В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ И МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие различных отраслей знаний, их широкая интеграция оказывают существенное влияние на возникновение и расширение проблем криминалистической тактики и методики расследования преступлений. Внедрение новейших достижений социальных и технических наук, научная интерпретация их создают необходимую основу для дальнейшего исследования теоретических аспектов криминалистической тактики и методики расследования на современном уровне.

Наибольшее значение принадлежит комплексу, объединяющему проблемы познавательного и организационного направления. Одной из проблем расследования, принадлежащей криминалистической тактике, но по своему значению далеко выходящей за ее пределы, является его планирование. Современные трактовки планирования расследования в его познавательном направлении, в использовании универсальных функций следственной версии, его роли для организации расследования в целом и тактики производства отдельных следственных действий, в возможностях привлечения сетевого планирования требуют глубокого теоретического исследования, позволяющего дать наиболее эффективные рекомендации для следственной деятельности. Монографическое исследование этой проблемы в аспекте определения системы наиболее типичных версий при расследовании отдельных категорий преступлений, закономерностей мыслительной деятельности, связанной с планированием расследования — задача криминалистики.

Одним из направлений развития науки является установле-